

В.К. Даватц

На Москву

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.К. Даватц**
На Москву / В.К. Даватц – М.: Книга по Требованию, 2014. – 114 с.

ISBN 978-5-517-97690-1

ISBN 978-5-517-97690-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава I.

КЪ РОСТОВУ.

1 Января 1920 г. Въ пуги.

Сегодня утромъ въ нашу теплушку вошелъ капитанъ Д. и сказалъ:

"Поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ и новымъ походомъ".

Въ этомъ уже и до его прихода не было никакого сомнѣнія. Насъ еще до чая вызвали спѣшно грузить снаряды: видно было, что куда-то мы спѣшимъ, и, слава Богу, на этотъ разъ не отъ Москвы, а на Москву. Все было охвачено какимъ-то радостнымъ волненіемъ: какъ будто и впрямь кончался этотъ безконечный "драпъ" по образному кадетскому выраженію.

Я вспоминаю, какъ, полъ-мѣсяца тому назадъ, я робко вступилъ въ Ростовъ на нашъ бронепоездъ. Тогда говорили, что мы сразу ѣдемъ въ бой. Но вмѣстѣ съ остальными "драпающими" мы переѣхали черезъ мостъ у Батайска и засѣли въ безнадежной дырѣ — Старо-Минской. Засѣли въ какомъ-то раздумьи. Потомъ пришли вѣсти о взятіи красными Ростова и Таганрога. И мы, простоявъ съ недѣлю въ Старо-Минской, "драгнули" прямо на Екатеринодаръ, задержавшись на станціи Тимашевка. А теперь, должно быть, что-то произошло: насъ отправляютъ, кажется, отвоевывать Ростовъ.

Да, полъ мѣсяца я уже солдатомъ. А вѣдь почти только мѣсяць тому назадъ я сидѣлъ въ качествѣ члена Управы въ Харьковѣ, который су-

дорожно сжимался отъ наступающихъ красныхъ. Встрѣчались, говорили, что-то дѣлали, что-то подписывали, а сами думали: Какъ уѣхать? Какъ бы не застрять въ этой сутолокѣ "разгрузки?"

Мнѣ удалось выбраться за два дня раньше Управы, хотя простоявъ на вокзалѣ эти два дня, я, какъ оказалось, уѣхалъ съ Управой въ одинъ и тотъ же день, двадцать пятого ноября. Было мучительно стыдно за свою слабость. Вспоминались слова одного изъ коллегъ:

— Въ этотъ моментъ никто не долженъ уходить со своего поста.

И, сидя въ ожиданіи отправленія въ темномъ корридорѣ на какомъ-то столѣ, я мучительно думалъ о томъ, что на моей общественной репутациі легло тяжелое несмысленное пятно. Что когда, допустимъ, черезъ мѣсяць, мы выгонимъ изъ Харькова большевиковъ, трудно мнѣ будетъ заговорить тѣмъ тономъ, на который я до сихъ поръ ниѣлъ право.

И вспомнилась моя послѣдняя статья въ "Новой Россіи", статья, которая написана была поистинѣ моими нервами и кровью: "Если, чтобы истинно полюбить, — писалъ я — надо оставить отца и мать своею, то теперь наступаетъ этотъ часъ больше, чѣмъ когда либо прежде. И можетъ быть именно теперь, когда врагъ временно торжествуетъ, нужно не уходить въ свою скорлупу, но громко и смѣло закричать: "Да здравствуетъ Добровольческая Армія".

Статья произвела впечатлѣніе: ко мнѣ подходили прямо на улицѣ и пожимали руки. Даже Евграфъ К., Членъ Церковнаго Всероссійскаго Собора, который, по моему, терпѣть меня не можетъ, остановился, встрѣтивъ меня у редакціи, и сказалъ что-то прочувственное. И вотъ теперь, первое,

что я дѣлаю, уѣзжаю раньше, чѣмъ я имѣю право уѣхать.

И тутъ, въ этомъ темномъ корридорѣ, блестя въ первый разъ яркая мысль. Можно искупить эту вину и смыть съ своего имени этотъ позоръ: надо вступить въ армію. Сколько разъ до этого та же мысль тревожила мою совѣсть. Но тогда была у меня моя мать. Я бросилъ ее теперь накануне ея смерти. Въ маленькой комнаткѣ моихъ друзей, покинутая мною, она найдетъ себѣ вѣчный покой. Но вѣдь иначе было нельзя. И теперь я свободенъ. Отъ всѣхъ, кого я люблю, я имѣю право потребовать, чтобы они не мѣшали моему рѣшенію, — отъ всѣхъ, кромѣ нея. Последнее служеніе моей родинѣ должно быть такимъ, чтобы отбросить всѣ личныя привязанности, потушить въ себѣ всѣ иные помыслы, кромѣ одного: отдать, если нужно, свою жизнь. И какъ-то особенно ярко вспомнился сонетъ, который я написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

И было сказано: на лютнѣ у тебя
Всего лишь три струны подъ нѣжною
рукою,
Ихъ берегись порвать — съ послѣд-
нею струною
Порвется голосъ твой и жизнь сгорить
твоя....
И въ бурномъ омутѣ прошло не мало
лѣтъ.
Звучалъ огонь любви и холодъ расста-
ванья.
Звучали радости, побѣды и страданья:
Двѣ струны порваны, двухъ струнъ на
лютнѣ нѣтъ.
Но есть одна струна, не порвана донинѣ.

2 Января. Куцевка. База.

Я успѣлъ поговорить болѣе или менѣе по душамъ съ тремя офицерами, а съ однимъ изъ нихъ даже подружился.

Прибывъ на поѣздъ, я былъ направленъ къ старшему офицеру, капитану З. Я былъ въ штатскомъ костюмѣ, но уже принятымъ на военную службу. И эта двойственность особенно меня смущала.

Капитанъ З. принялъ меня просто, предложилъ сѣсть въ купэ и въ этомъ tête-à-tête'ѣ пришлось рассказать ему вкратцѣ свою біографію и тѣ причины, которыя побудили меня поступить въ армію. Я всегда смущаюсь, когда говорю съ людьми объ этихъ причинахъ. Я вспоминаю послѣдніе разговоры въ Ростовѣ, тѣ полуулыбки и то замѣшательство, которое всегда возникало, когда мнѣ приходилось сообщать о своемъ рѣшеніи.

Впрочемъ, я не могу съ чувствомъ глубокой признательности не вспомнить нѣсколько встрѣчъ и разговоровъ: какъ бы твердо ни было мое рѣшеніе, трудно было осуществить его безъ дружеской поддержки. Я уходилъ въ армію, которая погибала. Не въ моментъ торжества и подъема, но въ моментъ ея распада и униженія, я шелъ “защитять погибшее дѣло”, по выраженію одного изъ моихъ друзей. Буду ли я въ состояніи взять на себя эту тяжесть? Отказаться отъ привычнаго уклада жизни, отъ своихъ навыковъ, поднять на свои плечи всю тяжесть солдатской жизни, — это было не такъ легко осуществить.

И вотъ, въ Ростовѣ я первый разъ получилъ дорогую мнѣ дружескую руку отъ товарища по редакціи Г. Я ночевалъ въ его комнатѣ, прямо на полу, подстеливъ свою шубу. И всю ночь прого-

ворили мы на вслушующія меня темы. И не столько въ словахъ его, сколько въ тонѣ, тепломъ и задушевномъ, чувствовалось столько хорошихъ ободряющихъ нотокъ.

”Я боюсь только одного... Вы ѣдете въ армію, какъ поэтъ, — сказалъ онъ. — И можетъ случиться, что будете ждать васъ тяжелое разочарованіе. Но вы все-же хорошо дѣлаете: такъ надо“

И лежа рядомъ съ нимъ на полу, въ темной комнатѣ, въ которую едва-едва пробивался свѣтъ, я горячо обнялъ его, еврея, который не могъ свободно, какъ я, идти въ нашу армію, и поцѣловалъ его.

— Спасибо вамъ, Абрамъ, — сказала я ему. — Я смотрю теперь на этихъ людей, бѣгающихъ въ паникѣ,—и у меня на душѣ спокойно и просвѣтленно. Вы знаете, если люди еще помнятъ о порядочности и честности, то забыли о чести. Моя честь требуетъ отъ меня этого шага...

Не могу не вспомнить съ теплымъ чувствомъ нашего проректора, профессора К. и его супругу. Они жили въ лабораторіи. Черезъ всю комнату тянулся какой-то аппаратъ съ натянутыми струнами. Я пришелъ къ нимъ, въ чужой подаренной мнѣ гимнастеркѣ, съ только что купленными солдатскими погонами, завернутыми въ бумагу.

Профессоръ К. вдѣлъ мой первый погонъ, на который его супруга прикрѣпила недостающую пуговицу. И казалось мнѣ, что это была не простая случайность: это было напутствіе нашего родного университета. Екатерина Михайловна посмотрѣла на меня съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и сказала:

— Я знала, что съ вами этимъ кончится, послѣ вашей послѣдней статьи. Вы не повѣрите, какъ въ ту минуту общей растерянности бодро прозвуч-

чалъ вашъ голосъ. Теперь вы исполняете то, о чемъ говорили.

На лѣстницѣ я встрѣтилъ ректора Высшихъ Женскихъ Курсовъ, профессора К. Я остановилъ его и сказалъ, что поступилъ на бронепоездъ.

Онъ задержался на секунду. Его рѣзкія движенія стали еще болѣе нервными. На глазахъ его блеснули слезы. Онъ крѣпко поцѣловалъ меня и, вбѣгая на лѣстницу, сказалъ кратко:

— Да хранить васъ Богъ.

Я, конечно, передъ отъѣздомъ зашелъ въ помещеніе, гдѣ жила наша Городская Управа. Первый разъ, когда я пришелъ къ нимъ въ общеніе, гдѣ на койкахъ лежали наши члены муниципалитета въ какой-то простраціи, гдѣ на полу валялись окурки и кусочки колбасы, — меня встрѣтили сдержанно - холодно: они имѣли на это право. Теперь я явился къ нимъ солдатомъ, и было видно, какъ растаялъ ихъ ледъ и какъ рѣшеніе мое примирило меня съ ними.

Но мнѣ важно было проститься съ однимъ изъ нихъ, Николаемъ Николаевичемъ К., председателемъ нашей Думы. Крупный и нѣсколько грузный, добрый и честный, какъ породистый сэнъ-бернаръ, безупречный работникъ, имя котораго украшало нашъ партійный списокъ. Въ послѣдніе дни нашихъ партійныхъ междуусобій, насъ соединила общность нашихъ взглядовъ. Мы не подчинились близорукому рѣшенію національнаго центра — связать свои имена съ махровыми именами черной сотни. На выборахъ въ Харьковѣ, мы нарушили "дисциплину" и обратились съ воззваніемъ исправить допущенную ошибку. Насъ вмѣстѣ судили въ комитетѣ, когда мы перешли отъ обороны къ наступленію. Намъ вмѣстѣ вотиновали довѣріе. И теперь хотѣлось пожать его

честную руку, получить его напутствие, какъ отъ отца, котораго у меня нѣтъ.

Онъ поднялъ свою львиную голову съ койки, на которой лежалъ, и, вскочивъ, быстро подошелъ ко мнѣ. Онъ говорилъ мало, но лицо его просвѣтлѣло отъ какого-то внутренняго свѣта, — и понялъ я, что не ошибся, обращаясь къ нему.

— Куда-же я назначу васъ, — сказалъ З. И послѣ нѣкотораго раздумья продолжалъ:

— Васъ можно было-бы устроить въ канцеляріи; но я вижу это васъ не устроить. Вы будете у меня на первой пятидюймовой пушкѣ.

"Такъ могъ сказать только человекъ, который все понялъ. Конечно, не для того, чтобы прятаться по канцеляріямъ, я шелъ сюда. Я не знаю еще, на что и какъ я буду годенъ. Трудно профессора приспособить къ пушкѣ".

Но такъ надо.

Съ капитаномъ Д. я разговорился въ нашей теплушкѣ, куда онъ часто заходилъ къ молодежи. Онъ любитъ эту кадетскую молодежь. Да и трудно ее не любить. Я живу съ ними въ теплушкѣ уже двѣ недѣли. Я старше ихъ въ среднемъ лѣтъ на двадцать. Я вижу, какъ жизнь искалѣчила многихъ, выбила изъ колеи такъ, что трудно имъ будетъ жить въ нормальной обстановкѣ. Цѣлая пропасть между мною, который прошелъ огонь и воду тончайшихъ построеній ума, изысканнѣйшихъ проявленій человѣческаго духа, и ими, прошедшими огонь и воду ужасовъ и грубостей войны. Цѣлая пропасть между мной, который пошелъ сюда, какъ на высшее служеніе, который освѣтилъ все духомъ средневѣковаго аскетизма и, пожалуй, романтики, и ими, которые пошли на это... такъ просто. И я люблю ихъ. Я не замѣчаю ихъ

нарочитой грубости. Они — это лучшие герои нашего безвременья. Это — дѣти, которыя все же строятъ храмъ лучшей жизни въ то время, когда отказываются отцы. И я понимаю Д., который заходилъ къ намъ отдыхать.

Капитанъ Д. интересенъ, тонокъ, съ какимъ то нервнымъ изломомъ. Онъ любитъ Баха — и это уже одно его рекомендуетъ. Онъ цѣнитъ литературу; онъ понимаетъ, что только вульгарное представленіе могло приписать Нитцше проповѣдь освобожденія отъ всякой морали. Я думаю, что онъ незамѣнимъ въ бою, что съ нимъ вмѣстѣ легко умирать.

Я слышалъ о немъ, что онъ превосходный ораторъ. У него есть общественная жилка. Кое что рассказалъ онъ мнѣ изъ своего прошлаго: въ дни революціи онъ проявилъ себя несомнѣнно, какъ настоящій общественный боецъ. И его взгляды на политику, его пониманіе того, что многіе, увы, не понимаютъ, невольно рождали мысль, которая въ послѣднее время часто возникаетъ во мнѣ:

— Если бы всѣ офицеры были такіе, не пришлось бы намъ испивать теперь этой горькой чаши.

Но право, хорошо, что приходитъ эта мысль такъ часто. Это значить, что такихъ офицеровъ у насъ много.

И одновременно съ нимъ я познакомился съ поручикомъ Р. Когда я былъ на орудіи, онъ подошелъ къ орудію и заговорилъ со мной. Видно было, что это былъ пробный первый разговоръ. И, дѣйствительно, въ тотъ - же день мы встрѣтились съ нимъ возлѣ вагона и сразу какъ-то затронули то, что интересовало насъ обоихъ. Я очутился у него въ купѣ.

Поручикъ Р. — уже пожилой человѣкъ, лѣтъ

нодь пятьдесятъ; у него интересный умъ, съ большой склонностью къ математикѣ и философіи. Математическую литературу знаетъ онъ достаточно хорошо, но, къ сожалѣнію, поверхностно. Онъ слушалъ когда-то лекціи въ Heidelberg'ѣ и это, конечно, оставило нѣкоторый отпечатокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него какое то предубѣжденіе противъ нѣмецкой науки, и много цѣннаго въ ней считаетъ онъ ненужнымъ хламомъ. Вообще ведетъ онъ даже списокъ сочиненій — въ своемъ родѣ *index librorum prohibitorum*, которыя считаетъ бесполезными; не признаетъ математической физики и теоріи Sophus'a Lie. Противъ всего этого можно горячо спорить, что я и дѣлаю въ часы досуга.

Общее у насъ и то, что оба мы (я скажу теперь про себя категорически) религіозны. Онъ — старообрядецъ; онъ съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ старушки - монашенки объясняли ему — ребенку — сущность Софіи — Премудрости Божіей, и объясняли такъ хорошо, какъ будто это не было однимъ изъ сложнѣйшихъ достижений греческихъ гностиковъ.

Онъ — одинъ изъ представителей крупнаго дѣла братьевъ Р. — бросилъ все и пошелъ на фронтъ. Мнѣ нечего было много объяснять ему, каковы были мои побужденія. Но онъ только переоцѣниваетъ значеніе моего шага. Для меня — это имѣетъ значеніе субъективное, личнаго моего оправданія; онъ приписываетъ ему значеніе объективное, ибо по его мнѣнію это можетъ воздѣйствовать на другихъ. Но въ одномъ мы согласны. Для возсозданія арміи должны мы образовывать новые кадры не воиновъ просто, но духовныхъ рыцарей. Не служба просто, но подвижничество, должно лежать въ основѣ нашей жизни. Мы дол-